

«Что мы знаем о любви? Пожалуй, точно только то, что она необходима каждому из нас. Поэтому третий том книги „Необыкновенное обыкновенное чудо“ мы решили посвятить именно этому загадочному и необъяснимому явлению.

Несмотря на то что про любовь сказано немало, уверен, этот сборник сможет вас удивить. Традиционно в числе авторов — подопечные нашего Фонда, дети и молодые взрослые с опухолями мозга. Кому, если не им, рассуждать о любви? Ведь дети знают про нее точно не меньше нас, взрослых. А скорее всего, даже чуть больше».

КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ,
основатель Благотворительного Фонда
Константина Хабенского

«Фонд Хабенского исключительно про любовь в самом ее кристалльном проявлении, и я рад, что этой же теме посвящен новый сборник „чудесных“ историй. Я уверен, мы будем читать эту книгу и не только продолжать верить в чудеса, но и пытаться их создавать».

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН,
писатель, драматург, сценарист

«Для меня этот проект — совместная работа с людьми, которые мне близки. Кроме того, это не просто стандартная издательская история, когда публикуется и монетизируется некое произведение, а возможность принести реальную пользу реальным людям.

Для здорового работающего человека участие в благотворительности — это образ жизни».

АЛЕКСАНДР ПРОКОПОВИЧ,
главный редактор «Астрель-СПб»

«Этот проект нужен не только подопечным Фонда, но и всем нам, потому что он помогает сохранить надежду и веру в чудо».

АЛЕКСЕЙ МИСЮТИН,
основатель международной школы «Алгоритм»

Содержание

Рассказы современных писателей

<i>Наринэ Абгарян. Одно сердце</i>	9
<i>Александр Цыпкин. Окно</i>	21
<i>Светлана Щелкунова. Приют всех брошенных и разлюбивших.</i>	33
<i>Артак Оганесян. Идеальное утро для ловли транзитных пассажиров</i>	55
<i>Ирада Берг. Петрикор</i>	75
<i>Алексей Ладо. Ангелы существуют</i>	108
<i>Каринэ Арутюнова. Легкое дыхание.</i>	126
<i>Жука Жукова. Новогодняя сказка</i>	132
<i>Елена Румянцева. Пальмовая ёлка.</i>	136
<i>Светлана Волкова. Между гневом и землей</i>	170
<i>Александр Бессонов. Мадам.</i>	187
<i>Виктория Медведева. Наши встречи.</i>	190
<i>Наталья Глазунова. Поле чудес.</i>	202
<i>Любовь Барина. Мария</i>	221
<i>Евгений Чеширко. Занимательная алхимия</i>	231

Содержание

Рассказы подопечных Фонда Хабенского

<i>Семен Позняк. Дружба с первого взгляда</i>	241
<i>Евгения Ливаренко. Любовь с детского сада</i>	244
<i>Елизавета Филатова. Меня зовут Любовь</i>	246
<i>Марина Пачина. Я буду любить тебя всегда, просто любить</i>	251
<i>Елизавета Ревякина. Неслучайный поцелуй.</i>	255
<i>Кристина Баркина. Что такое любовь</i>	259
<i>Анастасия Чербаева. Я все равно ее люблю.</i>	264
<i>Софья Фортунова. Любовь к себе.</i>	266
<i>Елена Белокурова. Лучший друг</i>	267
<i>Анастасия Луценко. Борис Алексеевич</i>	269
<i>Захар Овсянников. Любовь и килограмм безе</i>	271
<i>Ксения Шашарина. В жизни все бывает.</i>	273
<i>Денис Калаев. История про любовь и верность</i>	275
<i>Оксана Мухлаева. Клетчатая любовь.</i>	278
<i>Александр Саренко. История первой любви</i>	282

РАССКАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Наринэ АБГАРЯН Александр ЦЫПКИН
Каринэ АРУТЮНОВА Любовь БАРИНОВА Ирада БЕРГ
Александр БЕССОНОВ Светлана ВОЛКОВА
Наталья ГЛАЗУНОВА Жука ЖУКОВА
Алексей ЛАДО Виктория МЕДВЕДЕВА
Артак ОГАНЕСЯН Елена РУМЯНЦЕВА
Евгений ЧЕШИРКО Светлана ЩЕЛКУНОВА

Наринэ Абгарян

ОДНО СЕРДЦЕ ¹

Григор умудрялся проснуться за несколько минут до звона будильника. Покидал постель с большой неохотой — рядом, бесслышно дыша, спала молодая жена. Григору сорок пять, ей — двадцать пять. Любить не налюбоваться. Каждый раз мучает глупый страх — вдруг вернется, а ее нет. Выпорхнула в окно за кем-нибудь другим, более молодым и красивым, и летит теперь с ним в обнимку, как на картине Шагала, над городом и миром, недосыгаемая и прекрасная. Рипсик смеется, обнимает-обвивает его своими нежными руками-ногами, дышит в лицо сладким — к кому я от тебя? Известно к кому, хмурится Григор, не подразумевая кого-то конкретного, но ненавидя всех возможных кандидатов разом. Он обнимает жену, зарывается носом в легкие волосы, дышит ее запахом, прислушиваясь к тягучей боли, разливающейся под боком. Ругает себя потом не-

¹ Отрывок из одноименной повести.

© Наринэ Абгарян, текст, 2022

щадно — живи, сколько отмерили, радуйся любой радостью, зачем отравлять сомнениями себя и ее?

Выйдя из дому, он неплотно, чтоб не скрипнула, прикрывает дверь — жена спит чутко, словно воробушек, от каждого шороха просыпается. Спускается во двор, не забыв выдернуть из лежащей на подоконнике пачки сигарету. Дойдя до старого тутовника, снимает с себя нательный крестик и вешает на сучковатую ветвь. Курит, наблюдая за тем, как вокруг мерно раскачивающегося крестика понемногу рассеивается мгла. Крест ничейный, найденный в тот день, когда он увидел свою Рипсимэ. Шел домой, оглушенный ее красотой, в голове пусто, в сердце гулко, ни о чем не думал, никуда не смотрел, а вот крестик в корнях желтой мальвы заметил. Простенький, металлический, скорее греческий, чем армянский, особо не разберешь, в этом регионе все кресты на одно лицо. Поднял и, не отряхивая от земли, надел на шею, ничуть не удивляясь своему поступку, хотя некрещеный, родители-коммунисты не стали, а он потом и сам не захотел. Через восемь месяцев поженились. Два года пролетели как один день. Григор не знает, сколько еще времени ему отпущено на счастье, но в предутренний час заведенного дня, в любую погоду, обязательно выходит во двор, чтобы повесить на ветку помнящей его ребенком шелковицы талисман. Черт с ними, с проблемами, которым не видать края, с потерями, которые навсегда с тобой — все можно пережить, со всем можно справиться или на худой конец смириться, если сердце греет любовь.

Одно сердце

Григор исподтишка наблюдал за женой. Счастлииво улыбаясь, та набирала сообщение в телефоне, потом откладывала его в сторону, чтобы продолжить работу, но через минуту, услышав треньканье уведомления, снова к нему возвращалась. Судя по тому, с какой радостью она читала и с какой поспешностью принималась строчить ответ — переписка занимала ее всецело. Прядь вьющихся каштановых волос вырывалась из-за уха и лезла в глаза, она сердито заправляла ее обратно. Отправив сообщение, шарила взглядом по экрану ноутбука, бесцельно пролистывая презентацию очередной инсталляции (она удаленно вела курсы по современному искусству), и чутко прислушивалась к телефону, чтобы не пропустить новое уведомление. Волосы свои она собрала в небрежный узел и заколола крест-накрест карандашами, и теперь они смешно торчали у нее на макушке, словно усики насекомого. Лямка майки съехала с плеча, шорты еле прикрывали бедра, из шлепок торчали нежные, покрытые разноцветным лаком, пальчики. Она смешно шевелила ими, когда набирала очередной ответ. Сущий подросток, а не молодая, вполне уже набравшаяся чувственных сил женщина.

— С кем это ты переписываешься? — не выдержав, ревниво полюбопытствовал Григор.

Она оторвалась от телефона, подняла на него свои васильковые, уходящие в глубокую синеву глаза. Он где-то прочитал, что такая синева — своего рода генетическая аномалия и присуща она чаще всего

жителям высокогорья. Поморщился, сочтя за ерунду, но почему-то запомнил.

— С кем переписываюсь? — задумчиво переспросила Рипсимэ.

Мысли ее витали где-то далеко, и на вопросе мужа она даже не удосужилась сосредоточиться.

Григор нахмурился.

— Вот именно. С кем?

Она насмешливо вздернула бровь, потом прикусила губу, мгновенно включив кошачью грацию. У Григора сердце ухнуло под ребра — он до сих пор не привык к мгновенным преобразованиям Рипсимэ: вот только что, буквально секунду назад, была угловатым подростком, а теперь превратилась в соблазнительную женщину.

— С кем-то очень важным переписываюсь. Но тебе не скажу! — промурлыкала, вредничая, она.

— А когда скажешь? Когда замуж за него соберешься?

Она пожала плечом: дурак! Он мысленно чертыхнулся — опять за свое! Ну сколько можно? Неуклюже попытался отыграть назад:

— Да шучу я, шучу. Подумал — вдруг что-то случилось. Может, помощь нужна.

Она вмиг посветлела лицом (он всегда поражался ее умению легко и просто отпустить обиды):

— Помощь? Нужна. Картошки почистишь? Я ее пожарю для тебя, как любишь — с чесноком и кинзой.

— Вроде спас вчерашний есть.

— Постоит спас, ничего с ним не будет. Он чем дольше стоит, тем вкуснее становится.

Григор отложил книгу. Потянулся к жене — поцеловать. Она послушно подставила губы, не преминув ущипнуть его легонько за бок, хотя отлично знала, что он этого терпеть не может.

— Опять за свое? — отпрянул Григор.

Она звонко рассмеялась:

— Кто еще будет тебе нервы мотать, если не я?

— Сучка. Ладно, пошел чистить картошку.

— Иди давай, иди.

Тренькнул телефон. Рипсимэ, мгновенно забыв о муже, потянулась за ним.

Григор плелся на кухню мрачнее тучи. Работу по дому он терпеть не мог. В первом браке всегда отказывал жене в помощи, объясняя это тем, что не мужское дело готовить или убирать. Помня об этом, Мариам старалась управляться сама. Григор несказанно был тому рад — будучи заведующим отделения хирургии и одним из ведущих специалистов в регионе, работал он всегда много и тяжело и свободное время предпочитал проводить за чтением книг или просмотром спортивных передач. Книги подпитывали его эмоциями, спорт же, как ни странно, расслаблял. Мариам, преподающая в музыкальной школе игру на скрипке, уставала не меньше, потому иногда обижалась на мужа и даже скандалила, но на его предложение найти помощницу отвечала твердым отказом — не смогу пустить в дом чужого человека. Тянула одна ляжку,

пока не подросла дочь. Девочка оказалась невероятно отзывчивой и сознательной, хорошо училась, с готовностью помогала по хозяйству, справляясь со всем. В старшей школе, решив пойти по стопам отца, устроилась на летние каникулы санитаркой в хирургическое отделение. Грязной работой не брезговала, а в свободное время не вылезала из процедурной, не давая покоя медсестрам расспросами. Григор гордился ей чрезвычайно, хотя спуску не давал и требовал больше, чем от остальных. Однажды, уступив ее просьбам, пустил на операцию и по загоревшимся глазам, по тому, как она уже после, дома, пыталась его вполне толковыми вопросами, убедился — дочь выбрала себе правильную специальность. Кто же знал, что она так рано уйдет! Кто же знал, что именно ее — радостную и жизнелюбивую, два года блестяще проучившуюся на лечебном факультете, заберет тяжелая скоротечная саркома..

«Мне уже никогда не избавиться от чувства сиротства»,— призналась ему после похорон Мариам. Он обнял ее — у тебя есть я! Она промолчала. Она словно знала все наперед — их стремительное отчуждение, тягостное, выедающее душу чувство вины, невысказанные обиды — они росли снежным комом, и, хотя оба, будучи достаточно умными людьми, отлично понимали неосновательность этих обид, но ничего поделать с ними не могли. Горе было страшным, словно неодолимое проклятие: с ним невозможно было жить, но и умереть не представлялось возможным. Мариам оформила на работе отпуск и проводила дни в комнате дочери,

покидая ее только затем, чтобы сварить себе кофе. Ну и сходить в магазин — за сигаретами. Курила она почти безостановочно, приканчивая по полторы-две пачки в день, потому сигареты брала сразу блоками. Есть практически перестала, и Григору стоило больших усилий уговорить ее хотя бы не отказываться от сухофруктов. Она уступила — не потому, что он ее убедил, а просто чтобы отвязался, и съедала через силу горсть-вторую чернослива с изюмом. На том и продержалась. Григор, в отличие от жены, запирается в своем горе не стал, даже отпуск не оформил — ходил на работу, много оперировал. Любые разговоры о дочери пресекал на корню, никому не позволял себя жалеть. Мучился страшно — бессонницей, приступами неконтролируемой паники, одышкой и тошнотой. Но попыток помочь себе не делал, переживая все глубоко внутри. На предложение коллеги-невролога выписать хотя бы успокоительное махнул рукой — сам справлюсь.

Роман с Рипсимэ случился в дни абсолютного душевного опустошения, когда казалось, что конца и края беспросветности уже не будет. Она пришла к нему на прием с пустячной проблемой — хотела, чтобы ей удалили крохотную, величиной с горошину, липому на бедре.

— Вдруг она увеличится и изуродует мне бок! — расстроено объясняла она, демонстрируя ему малюсенький, едва различимый бугорок.

Григор заверил ее, что ничего страшного в липоме нет, она может потом исчезнуть сама, а если вдруг станет расти, то так и быть, ее удалят.